

«Две вещи несовместные»

Православие.Ru / Интернет-журнал, 14 января 2009 г.
<http://www.pravoslavie.ru/jurnal/28951.htm>

Ирина Медведева, Татьяна Шишова

Традиционная наша вера, что «школа плохому не научит», на поверку не всегда оправдывалась еще в советские времена. Про секс там детям, конечно, не рассказывали и «Лолиту» В. Набокова, как сейчас в некоторых школах, не проходили, однако зерна того, что взошло и расцвело пышным цветом позднее, сеялись уже тогда. Так, именно в школе (а точнее, в 9-м классе) мы впервые узнавали, что бывает эгоизм со знаком плюс. Случалось это на уроке литературы, когда проходили роман Чернышевского «Что делать?»: в нем автор устами одного из своих героев проповедовал теорию «разумного эгоизма».

Разумность эгоизма и бессмысленность жертвы

Помнится, сначала это удивляло, даже шокировало. Ведь мы с малолетства слышали, что быть эгоистом плохо, «я» – последняя буква алфавита. Да и на тех же уроках литературы нас учили, что главной отрицательной чертой героев двух произведений русской классики, которые мы разбирали чуть раньше, – Онегина и Печорина – был как раз эгоизм. А здесь тот же эгоизм, но «разумный» и, значит, положительный. Конечно, не всем, но кому-то из школяров такой неожиданный поворот темы очень нравился, поскольку ложился на взрыхленную почву подростковой самости. И потом еще долго могли кипеть споры, кого считать эгоистом, кого – нет. Споры, которые к Чернышевскому уже никакого отношения не имели и велись по двум основным направлениям.

С одной стороны, оправдывались какие-то эгоистические поступки, а с другой – в альтруизме старались усмотреть эгоистическую подоплеку и тем самым подверстать его под понятие «разумного эгоизма». Впрочем, через какое-то время страсти стихали, и эгоизм занимал свое привычное место (одно из первых) в иерархии человеческих пороков, которые в советскую эпоху чаще назывались «недостатками».

Но вот дожили мы до новой эпохи, «эпохи перемен», и тема эгоизма встала очень остро. С той только разницей, что его уже не пытались облагородить разумностью, а преподносили как норму, до которой традиционный «совок» просто еще недоразвился. Кто-то из наиболее образованных журналистов даже ссылался на христианские заповеди. Дескать, велят же возлюбить ближнего как самого себя – значит надо прежде всего возлюбить себя и потом уже говорить о ближних. А мы... Мы не то что себя не любим, мы себя терпеть не можем! Как на личном уровне, так и на уровне государства. Сколько можно содержать слаборазвитые страны, когда самим есть нечего, продукты по талонам?! Все средства угрохали на военно-промышленный комплекс и «братскую помощь». Верхняя Вольта с ракетами...

Развивающимся странам помогать перестали, но тут же выяснилось, что это еще не значит заботиться о себе. Тогда пошла речь о союзных республиках. В Москве заговорили о Средней Азии, которая повисла на нас балластом. Что у них своего, кроме хлопка и дынь? Они же дикие, только и делают, что плодятся, ртов все больше и больше, а кормить их должен добрый дядя.

И другие края тоже оказались хороши. В Киеве, например, обвиняли москалей в том, что они съели всю украинскую колбасу и сало. А Грузия вдруг поверила, что заживет припеваючи, если отделится от «старшего брата» и будет единоличной хозяйкой своих курортов и виноградников.

Потом, когда распался Советский Союз, а ожидаемое благополучие в России так и не наступило, эгоистические мотивы зазвучали в адрес наших «дотационных» регионов. Параллельно радиослушателям и

телезрителям советовали не лезть в политику, а заниматься своей семьей, и тогда все будет в порядке. Один из самых продвинутых журналистов так прямо и заявлял в то время по радио: «Поменьше интересуйтесь судьбами страны, варите лучше варенье. Я лично так и делаю». (При этом сам он был политизирован до крайности и варку варенья проповедовал тоже из политических соображений: чтобы «маленькие люди» не путались под ногами тех, кто осуществляет большие реформы.)

В результате же этих самых реформ оказалось, что заботу о семье, при всем желании, невозможно свести к варке варенья. Предприятия закрылись, а на тех, которые еще еле-еле работали, по полгода не выплачивали зарплату. Зато в огромном количестве завезли в страну дешевый спирт «Руаяль», потом рекой полилось пиво... Так что проблема алкоголизма взрослых, имевшая место и при советской власти, теперь серьезно усугубилась. Возникли и новые проблемы: детский алкоголизм, наркомания и другие зависимости, подростковый разврат с его разнообразными последствиями.

Но проповедники эгоизма и тут не растерялись. Стало появляться все больше специалистов по семейным отношениям и семейным конфликтам, по работе с родственниками алкоголиков и наркоманов. Причем родственники эти, получившие наименование «созависимых», услышали (и продолжают слышать до сих пор) от специалистов, что, конечно, жаль мужа-алкоголика или сына-наркомана, но не надо забывать: у них своя жизнь, у вас – своя. Вы не можете прожить жизнь за них, и поэтому не стоит для них ею жертвовать. Научитесь любить себя! У вас должны быть свои интересы, занятия, развлечения, радости. Надо свыкнуться с мыслью, что у вашего близкого родственника тяжелое, практически неизлечимое заболевание. Стоит ли ложиться костями, если это почти наверняка ничего не даст? К чему **бессмысленные** жертвы? И, в соответствии с подобными советами, пространство забот, скорбей и участия сужалось в нашей стране пядь за пядью.

А понятие жертвы трактовалось все более прагматически и тем самым как раз обесмысливалось, ибо с позиций прагматической логики истинная жертва всегда будет лишена смысла. Ведь жертвовать – это значит отдавать, ничего не требуя взамен, не думая, «что я с этого буду иметь». Так, когда человек подает милостыню, когда жертвует на детский дом, на чье-то лечение, он делает это не потому, что надеется на какой-то ответный шаг. Просто ему жалко слабых, немощных, попавших в беду. Хочется чем-то поделиться, как-то помочь. Если же в таком поступке есть элемент тщеславия (например, благодетеля или фирму указывают в числе спонсоров, поднимая их престиж) или торга (я пожертвую, а вы мне там, на небесах, запишите это «в актив»), то это уже не жертва, а взаимовыгодный обмен, бартер.

И мать, встающая по ночам к ребенку, терпящая его капризы, отдающая ему силы и время, особенно в молодые годы, когда многим еще так хочется развлекаться, танцевать до упаду, веселиться с друзьями, получать разнообразные впечатления, быть в гуще событий, многим нравиться, – она ведь тоже приносит в жертву свои интересы «просто из любви». А не потому, что рассчитывает на компенсацию в старости. Во-первых, сроки нашей жизни ведомы одному только Богу: и ребенок может умереть, не успев стать взрослым, и мать может не дожить до преклонных лет. А во-вторых, кто из нас в юные годы озабочен мыслями о своей старости?

Из века в век жертвовали собой на войне мужчины. Причем во многих случаях эта жертва казалась бессмысленной. Не только потому, что отдающий жизнь воин не доживал до победы. Сама война могла закончиться поражением. Вспомним: «злой город» Козельск стоял насмерть и тогда, когда было совершенно очевидно, что враги его одолеют. И в первой половине Великой Отечественной войны, вплоть до Курской дуги, наша победа была в высшей степени проблематична, что не помешало народу проявить **массовый** героизм. При этом все разговоры, что происходило это под дулами заградотрядов, нелепы. Что, за самолетами Гастелло и Талалихина воздушный заградотряд летел?

Наверное, наивысший пример жертвы, на которую способен человек, – это готовность Авраама отдать на заклание своего сына Исаака. В чем смысл этой жертвы с точки зрения человеческой логики? Ладно бы, такой ценой Авраам мог избавить свой народ от «нашествия иноплеменных». Или это была бы жертва во искупление грехов. Или еще что-нибудь подобное. Но нет! Ни о чем таком в Библии не говорится. «И было, после сих происшествий Бог искушал Авраама и сказал ему: Авраам! Он сказал: вот я. Бог сказал: возьми сына твоего, единственного твоего, которого ты любишь, Исаака; и пойди в землю Мориа и там принеси его во всесожжение на одной из гор, о которой я скажу тебе» (Быт. 22: 1–2). И Авраам повиновался, даже ничего не спросив. Просто «за послушание». Из верности Богу. Раз Бог повелел – значит, так надо. «Авраам встал рано утром, оседлал осла своего, взял с собой двоих из отроков своих и Исаака, сына своего; наколот дров для всесожжения, и, встав, пошел на место, о котором сказал ему Бог» (Быт. 22: 3).

И какой награды он мог ожидать, если наивысшей наградой был ему как раз Исаак? Единственный сын, дарованный Богом на старости лет. А рай тогда был «затворен», так что даже на посмертное блаженство праотец Авраам и его ближние вряд ли надеялись. Однако именно такая, с виду бессмысленная, жертва явилась прообразом искупительной Жертвы Христа – предельного, ярчайшего, ослепительного примера самоотречения.

Печальная тенденция

Но вернемся к Чернышевскому. Точнее, к тому, что получилось из когда-то, полтора века назад, предпринятой им попытки оправдать эгоизм. Конечно, к одному этому писателю все не сводится – были у него предшественники, соратники, последователи. И история России за те же полтора века развивалась не линейно, являя многочисленные образцы жертвенного самоотречения и героизма (их, в частности, нередко проявляли люди, воспитанные как раз на романе Чернышевского). Но нас сейчас интересует не писатель-революционер и не зигзаги истории, а некий итог пропаганды эгоизма, который можно подвести на сегодняшний день. Естественно, это будет скорее импрессионистическая зарисовка, нежели обстоятельный и глубокий анализ. Но ведь и пишем мы не научную диссертацию, а публицистическое эссе.

Начнем с того, что из обыденной жизни исчезло понятие «служение». И даже слово «служба» осталось или в военной лексике, или в церковной. Язык ведь чуткий барометр, и теперь, позвонив приятельнице и услышав, что она на службе, точно знаешь, что речь о храме. А совсем недавно «на службу» ходили и бухгалтеры, и инженеры, и медики, и учителя. Актеры в театре тоже не работали, а «служили на театре». И вообще кто-то служил искусству, кто-то науке, кто-то медицине. А еще очень часто говорили про служение обществу и людям.

Казалось бы, какая мелочь – одно слово или другое! А на самом деле очень значимый и очень тревожный симптом. Задумаемся: можно ли гораздо более употребительным нынче словом «работа» обозначить то же, что обозначает слово «служба»? Отчасти можно, если добавить «на благо кого-то»: работать на благо науки и т.п. Но, во-первых, эта добавка, как правило, отсутствует. Более того, она многими сейчас воспринимается как высокопарная, «пафосная». А во-вторых, даже с добавкой смысл передается не полностью. Ведь служат чему-то или кому-то более высокому, важному, чем ты сам. Значит, акцент переносится с тебя на это другое, что предусматривает ту или иную степень самоотречения.

Можно, конечно, сказать, что корень слова «работа» – «раб». А раб – это такая степень самоотдачи, что дальше некуда. Но ведь слово «самоотдача» здесь совершенно неуместно: раб не сам себя отдает. Его берут, он невольник (если, конечно, он не «раб Божий»). На служение же, напротив, человек решается по доброй воле, самостоятельно. Раб, кстати, вполне может быть эгоистом. Тогда вынужденное подчинение воле

хозяина его только озлобляет, и он непременно постарается подчинить себе кого-то более слабого и еще ниже стоящего. А служение – это всегда преодоление эгоизма.

Теперь о современной жизни. Немалое число детей растет сейчас с ощущением, что они центр Вселенной. Формируется это так называемым «детоцентризмом» в семье, подкрепленным либерально-гуманистической идеологией и лозунгами типа «Все лучшее детям», «Дети должны жить лучше нас», «Дети умнее нас, мудрее нас» и т.п. Недавно увидели мы рекламу какой-то авиакомпании. Слоган: «Мир принадлежит вам». И две картинки. На одной пилот, любезно улыбаясь, сервильным жестом протягивает ребенку самолет. На другой – снятые крупным планом мальчик и девочка лет семи-восьми, а рядом маленький земной шар. Вроде бы мелочь, но мелочь весьма характерная и, главное, органично вписанная в сегодняшнюю эгоистическую картину мира. В советское время такое «идолопоклонническое» отношение к детям (которое, впрочем, носило отнюдь не массовый характер) взрослые оправдывали пережитыми в своем детстве и юности невзгодами: войной, голодом, послевоенной бедностью.

Но, конечно, традиционный порядок, когда лучший кусок за обедом отдавался отнюдь не детям, а кормильцу семьи, был утрачен уже тогда. Как часто в семьях со скромным достатком взрослые даже не притрагивались к фруктам! Это было безусловной прерогативой детей. «Мои сыновья хоть уже и сами родители, – вспоминает одна пожилая учительница, – а до сих пор уверены, что я больше всего люблю апельсиновые корки». Но она все-таки не полностью игнорировала воспитательный момент. Когда дети ее спрашивали: «Мамочка, почему ты не ешь апельсин?», мать не отвечала: «Это деликатес, поэтому он только для вас, детей», а уверяла мальчишек, что для нее нет ничего вкуснее корочек. И, чтобы окончательно их успокоить, быть может, съедала кусочек горьковатой кожуры у них на глазах.

В наши дни приоритетность ребенка в семье демонстрируется открыто. И не только, вернее, даже не столько в еде – она ведь перестала быть дефицитом. Вот популярная картинка из сегодняшней жизни. Уставший отец приходит вечером домой. Ребенок виснет у него на шее и требует, чтобы папа с ним поиграл. Отец хочет поесть и передохнуть. Ребенок продолжает настаивать на своем. Мать или безмолвствует, или – что, увы, бывает чаще – встает на сторону ребенка: «Ты его все время отталкиваешь! Он тебя целый день ждал, а тебе нет до него дела!»

«Муж мой абсолютно равнодушен к ребенку, это для него обуза», – жалуется она потом психологу. Ей не приходит в голову, что она своим поведением только подпитывает детский эгоизм и к тому же усугубляет внутрисемейный конфликт. Между тем разрешить этот самый конфликт ничего не стоит: научи ребенка, чтобы он подал отцу тапочки, поставил на обеденный стол для него тарелку – то есть выразил бы свою радость заботой, а не эгоистическими требованиями – вот и нет никакого конфликта! Растроганный и поужинавший отец с удовольствием уделит ребенку внимание. А если и не уделит по причине усталости, то ребенок все равно очень много получит. В сущности, получит главное – модель правильного, уважительного и заботливого отношения к отцу.

А как часто нам приходится слышать от родителей наших юных пациентов, что ребенок поднимает шум именно тогда, когда его просят не шуметь! Либо мама устала и хочет отдохнуть, либо ей надо поговорить по телефону, либо пора укладывать маленького братишку. Именно в этот момент вдруг начинается «концерт по заявкам». Но психологи, к которым уже обращалась мать, говорили, что ребенку не хватает внимания. Поэтому наказывать его в подобных случаях не надо. Таким образом, хулиганство, проистекающее из не обузданного взрослыми эгоизма, закрепляется авторитетом специалистов.

Эгоизм подросткового возраста в наше время обычно и вовсе считается само собой разумеющимся, чем-то неотделимым от переходного возраста. Хотя это противоречит логике нормального взросления. При всех особенностях и сложностях переходный возраст, бесспорно, приближает человека к периоду взрослости. К

тому периоду, когда люди призваны уже не столько брать, сколько отдавать, заводить семью, заботиться о детях, отвечать за состояние дел в государстве и т.п. Всплеск эгоизма в подростковом возрасте блокирует переход на следующую возрастную ступень. И, потакая ему, мы фактически способствуем социально-психическому регрессу, закреплению инфантилизма.

Сплошь и рядом сейчас встречаешь оправдание эгоизма и во взрослом возрасте. Массовое сознание уже не осуждает тех, кто разбивает чужие семьи, – всегда найдутся относящиеся к такой ситуации «с пониманием». Дескать, нормально, девчонка приехала завоевывать Москву, а тут хороший вариант: богатый начальник. И его можно понять: жена уже немолодая, к тому же непрерывно болеет. Что она ему может дать?

А оправдание взяточничества милиционеров и чиновников их низкой зарплатой – разве это не пропаганда эгоизма? А что мы слышим о молодых ученых, которые, окончив российские вузы, уезжают работать за границу, преимущественно в США? «У них просто нет выхода, у человека должен быть достойный заработок». И не смей возразить, что если нужны деньги, то в большом городе есть масса возможностей подработать, для этого вовсе не обязательно уезжать в Соединенные Штаты и фактически развивать науку страны, теперь уже подчас откровенно враждебной России. С какой стати мальчик будет отрывать время от любимого занятия?! У него талант, и он имеет право этот талант реализовать там, где ему создадут для такой реализации наилучшую базу. Представьте себе, что подобным образом рассуждали бы молодые советские ученые в конце 30-х годов прошлого столетия. И – вообразим на минуту такую фантастическую для той эпохи ситуацию! – уезжали бы в Германию, которая предлагала куда более благоприятные, чем в СССР, условия для развития науки. У Гитлера появилось бы серьезное подспорье.

А пресловутая свобода самовыражения художника, который якобы совершенно не обязан ориентироваться не только на моральные нормы и (страшно выговорить!) Божественные заповеди, но и на элементарные правила приличия. Публичная сексуальная оргия студентов в Биологическом музее, кошунственные выставки в Сахаровском центре, богохульные и запредельно непристойные мультсериалы по каналу «2x2», каннибализм, поедание экскрементов и безудержный мат в произведениях лауреата многих премий В. Сорокина – все это рьяно защищается как самими производителями «свободного искусства», так и поклонниками их дарований. А ведь, по сути, защита подобной продукции сводится к оправданию эгоизма авторов. Какое, дескать, им дело до того, что она оскорбляет чувства окружающих? Какое им вообще дело до этих тупых обывателей, ханжей, ретроградов и мракобесов? Не нравится – пусть не смотрят (не читают, не слушают, ходят по улицам, зажмурившись, если их не устраивает реклама, и вообще не живут). Нам главное – продемонстрировать свое оригинальное видение мира, свое «я», потому что нет ничего важнее самовыражения.

«Сумасшествие – это эгоизм», – написал когда-то в дневнике Л.Н. Толстой. Но он сделал эту запись не после посещения «авангардной» выставки или прочтения постмодернистского романа, а посетив психиатрическую клинику профессора Корсакова в Хамовниках. Вопрос в том, какое место занимает безумец-эгоист, где он демонстрирует свои таланты – в «палате номер шесть» или в престижном выставочном зале. И что он за это получает – дозу лекарства или Букеровскую премию.

Впрочем, и до людей, не столь высоко летающих, до тех, кого «творцы» обычно причисляют к «тупым обывателям», тоже докатилась волна концептуально оправданного эгоизма.

В наши дни многие считают, что битва с родственниками за наследство – совершенно нормальна, в порядке вещей. Сейчас ведь так дорого купить квартиру или построить дачу. Поэтому желание получить при разделе имущества как можно большую долю вполне естественно. Хотя в России всегда считалось естественным прямо противоположное поведение. В «Войне и мире» Толстого, если помните, очень выразительно описаны интриги родственников Пьера Безухова из-за наследства графа Безухова-старшего, лежащего не

смертном одре. В том числе и драка за мозаиковый портфельчик с бумагами. Вслед за автором не одно поколение читателей воспринимало попытки урвать себе кусок пожирнее при разделе имущества как нечто вызывающее брезгливое чувство.

А спустя более чем 100 лет другой (не такой, конечно, великий, но безусловно выдающийся) писатель Ю.Трифонов обратился к теме наследства в повести «Обмен». Обстоятельства советской жизни существенно отличались от реалий дворянского быта, но нравственные оценки сохранились неизменными. И даже, быть может, стали категоричней. Желание невестки поскорее съехаться с больной раком свекровью, чтобы не пропала жилплощадь, подается автором (и воспринимается сыном больной женщины) как низость и эмоциональная тупость. Главный герой настолько поглощен мыслями о матери, о ее страданиях, о ее близкой утрате и к тому же так боится вызвать у нее подозрение об истинном диагнозе, что искренне не понимает, как можно в этой ситуации думать о своей выгоде. Для него ценность жизни близкого человека и ценность лишних квадратных метров – несоизмеримые, **абсурдно несоизмеримые** величины. Сегодня же квартиры так повысились в цене, а ценность жизни, напротив, так понизилась, что эгоистом в глазах многих читателей «Обмена» будет выглядеть не жена героя повести, а он сам.

Гуманистическая упаковка

А еще все отчетливей видна тенденция представить эгоистическое поведение не как порок или хотя бы недостаток, а как нечто положительное, не нуждающееся в оправданиях.

Хрестоматийный пример – идеология «планирования семьи». Если взяточничество все-таки не признается у нас достоинством и потому его пытаются обелить смягчающими обстоятельствами, то избавление от нежеланных детей квалифицируется «планировщиками» как безусловно правильный поступок. Действительно, зачем плодить нищету? Безответственно заводить детей, не обеспечив им достойного качества жизни.

Хотя и тут все же не обходится без манипуляций. Кратко суть их в следующем. Выдвигается вполне резонный тезис. Действительно, если ты не в состоянии прокормить ребенка, то тебе рано становиться родителем. В чем же тогда хитрость «планировщиков»? А вот в чем: они не считают, что тем, кому еще рано обзаводиться семьей и становиться родителями, рано вступать и в интимные отношения. Такая, казалось бы, естественная причинно-следственная связь не только отсутствует – она активно опровергается. «О чем вы говорите? – с патетикой, а когда и с иронией восклицают идейные сторонники “планирования семьи”. – Вы абсолютно оторваны от реальности. Какое целомудрие?! Практически все старшеклассники живут половой жизнью. И единственное, что мы можем сделать, это научить их предохраняться». Хотя на самом деле, если бы они со всем своим пылом и возможностями проповедовали воздержание, а также выступили бы широким фронтом против пропаганды разврата в СМИ, глядишь, и в подростково-юношеской среде разврата бы поубавилось.

Но они предпочитают поощрять эгоизм. Не хочешь сдерживать свои порывы? И не надо! С какой стати отказываться от удовольствий, понижать свое качество жизни?

Кстати, само «качество жизни», как и связанное с ним понятие «ответственного родительства», – это еще одна манипуляция. Суть ее в том, что искусственно завышается планка материальных потребностей как взрослых, так и детей. А при ближайшем рассмотрении оказывается, что и популярное словосочетание «плодить нищету» в данном контексте не следует понимать буквально. В подавляющем большинстве случаев о реальной нищете, когда ребенка нечем кормить, не на что учить, когда у него нет крыши над головой и он будет зимой ходить босиком, речи тут не идет.

Наоборот, быстро выясняется, что опасющийся вроде бы нищеты человек просто-напросто сориентирован на те стандарты потребления, которые требуют много денег. «**Мой** ребенок не будет донашивать чьи-то вещи». А как в большом городе без машины? Купить подержанную? Отечественную? Вы с ума сошли! В ней даже кондиционера нет. И вообще это морально устаревший совковый хлам.

Может быть, в несколько утрированной форме, но по существу точно эта эгоистическая идеология была выражена в листовке, которую летом 2007 года раздавала, вместе с презервативами, в лагере «Наших» на Селигере пятилетняя девочка. Текст выглядел так (жирный шрифт сохраняем, как было в листовке):

«Меня зовут Юля. Мне 5 лет.

Я – осознанный ребенок.

Мои родители тщательно планировали мое рождение.

Только на мое образование и развитие они тратят больше **700 \$ в месяц**.

Я занимаюсь в театральном кружке, учу немецкий язык, занимаюсь музыкой и спортом.

Я хочу стать лидером и специалистом, я хочу получить хорошее образование, хочу иметь возможность заниматься тем, что мне интересно, и принимать осознанные решения.

Мне нужно очень много внимания.

Если на семейном совете мы решим, что мне нужен братик, мы будем тщательно обдумывать, хватит ли у нас сил, возможностей и времени на то, чтобы он стал образованным, способным, полноценным, талантливым и счастливым человеком.

Если вы не готовы взять ответственность за нового человека, предохраняйтесь, пусть ваш ребенок будет осознанным и желанным!

Не совершайте глупостей, планируйте рождение детей осознанно!

Я за качество, а не за количество!»

Показательно, что эта листовка, сильно смахивающая на пародию, вызвала обширные дискуссии в интернетно-молодежной среде. Нашлись люди, которые и в раздаче ребенком презервативов не видели ничего плохого, и саму постановку вопроса считали вполне оправданной. А ведь это, «вышеизложенное», – торжество эгоизма! Прямо-таки манифест, только уже не коммунистический, а эгоистический.

Потакание эгоизму заложено и в основу так называемой «ювенальной юстиции» (это когда права детей провозглашаются приоритетными и ставятся над правами взрослых). И в основу борьбы за права гомосексуалистов, и за права людей, заразившихся СПИДом (это, главным образом, наркоманы и опять-таки представители «нетрадиционной ориентации»). Посмотрите в интернете журнал «Шаги», посвященный ВИЧ-проблематике. Там вопрос обеспечения достойного качества жизни для данной категории людей не подвергается ни малейшему сомнению. И в это качество, по современным стандартам, включено отнюдь не только обеспечение больных лекарствами. Нет, журнал энергично отстаивает право ВИЧ-инфицированного гомосексуалиста вести точно такую же, как и здоровые люди, социальную жизнь, работать, где ему хочется, в том числе и в детских учреждениях, и, конечно же, никак не ограничивать свои сексуальные потребности. Это ведь тоже неотъемлемая составляющая качества жизни.

Ну, и «классика жанра» в теме «эгоизм в гуманистическом гриме» – это, конечно, защита эвтанази. Если клиника бесплатная, то эгоизм проявляет государство, которому не хочется расходовать деньги на

«безнадежное предприятие». Если же платная – раскошелиться попусту не желают уже родственники. Еще 10 лет назад знакомые американцы рассказывали нам, что в США, где эвтаназия официально не разрешена, нередки случаи, когда дети или внуки вынуждают тяжелобольного подписать бумагу о том, что он не претендует на применение к нему дорогостоящей аппаратуры и медикаментов. А то ведь так можно разбазарить все его сбережения, и наследникам ничего не достанется. Но прикрываются все эти примитивные эгоистические расчеты милосердием к больному, который так страдает, так устал от физических мук! Помните, был такой грубоватый юмор: «Пристрелить, чтоб не мучился»?

В церковной ограде

Самое печальное (хотя и легко объяснимое), что ползучая «эгоистическая революция» уже начинается и в церковной среде. Мало того! Некоторые представители церковной среды обеспечивают этому процессу морально-идеологическую поддержку.

Возьмем хотя бы пресловутую дискуссию о «юбочно-платочном Православии». Ту самую, которая в последние годы упорно педалируется и в интернете, и в печатных изданиях, и в устных выступлениях. Смысл этой дискуссии фактически сводится к отстаиванию права женщин приходить в храм так, как им удобно: в брюках, без платка, с оголенными плечами и т.п. Причем не только при первом посещении, когда женщина могла не знать церковной традиции (хотя сейчас надо как-то специально ухитриться, чтобы такой информации не иметь), а в принципе, если ей так нравится. Но ведь это и есть оправдание эгоизма! «Хочу и буду! Мое желание – закон».

И сколько бы ни приводилось умных и даже вроде бы богословских аргументов в защиту этой позиции, она в самом своем основании не имеет ничего общего с христианством, потому что Христос призывал отвергнуть себя, потерять свою ветхую душу. А тут – не душу, но всего лишь одну из привычек, причем не такую уж въедливую, как, скажем, курение или любовь к выпивке. Все-таки ношение брюк женщинами нельзя назвать зависимостью. И обратите внимание, учитывая нынешнюю свободу нравов, мало кто дерзает настаивать на том, чтобы вовсе «отвергнуться брюк». Нет, речь идет о чисто ситуационных моментах: два-три часа в храме плюс дорога. Вот и вся жертва! И даже такое минимальное ограничение своего «хочу» вызывает, как сказал бы Фолкнер, «шум и ярость».

А виртуальные плевки в сторону «злых церковных бабок»? Тоже ведь дежурная тема, исчерпанию которой не видно конца. Хотя чего проще: даже если тебе сказали что-то малоприятное и неласковым тоном – потерпи, смирись. Ведь смирение – одна из главных добродетелей христианина. И пословица такая есть: «Без смирения нет спасения». Ты и сам тоже, наверное, не всегда всем говорил только приятное и ласковое. Да к тому же и замечание тебе, очень может быть, сделали не на пустом месте. А если и на пустом?! Ведь ты идешь в церковь Христову, ты пришел ко Христу. Он твой идеал, образец для подражания. А Его, согласишься, оскорбляли побольше, чем тебя. И уж точно безвинно. Но Он, как опять-таки наставляет пословица, «терпел и нам велел». И, хотя это очень трудно, надо все же стараться исполнить повеление Начальника Жизни. Если, конечно, ты действительно идешь ко Христу в качестве кающегося грешника, а не праздног зеваки или заказчика религиозных услуг. При этом, подчеркиваем, мы ни в коем случае не защищаем хамство «церковных старожилов». Конечно, хотелось бы, чтобы везде, и уж тем более в храме Божиим, люди вели себя вежливо. Но тут важна сама постановка вопроса. Храм – святилище Бога, куда мы входим с трепетом и благоговением, чтобы угодить Ему. А не ресторан, парикмахерская, турбюро и т.п., где, напротив, должны угождать нам и где мы вправе предъявлять претензии за некачественное обслуживание. Например, за то, что нас обхамил официант.

Муслирование темы «церковных бабок» не только подогревает эгоизм людей, не желающих себя ни в чем утеснить, но и фактически в сознании масс низводит храм до учреждения сферы услуг. И если посмотреть на проблему в этом ракурсе, то попытка екатеринбургского правозащитника Алексея Конева подать в суд на Церковь после отпевания своего родственника (поскольку истец остался недоволен качеством услуги, оказанной священниками) выглядит уже не как нелепый курьез, а как некий пробный шар. Пока этот шар еще не попал в лузу. Но оправдание человеческого эгоизма рано или поздно с гарантией приведет его туда.

А участвовавшие в последние годы разговоры о необходимости упростить церковный язык, приблизить его к современному русскому, облегчить посты, сократить богослужение и т.п.? Какой мотив настойчиво звучит в этих призывах? Людям трудно, им некогда, они устают, у них сложная жизнь, нужно пойти им навстречу. И вообще они в наше время слабые и немощные.

Выглядит вроде бы очень благородно, очень милосердно, но на самом деле – это круговая оборона эгоизма. Не хватает только лозунга «Все для блага человека». Хотя он легко прочитывается между строк.

Опять-таки оговоримся: конечно, в ряде случаев можно делать (и обычно это делается) какое-то снисхождение. Причем безо всяких реформ, на церковном языке это называется «икономия». Но исключение для немощных или вообще людей, что-то по каким-то веским причинам в данный момент не могущим, – это одно. А установление новых облегченных правил – совсем другое. Ибо правила – это нормы, существующие для всех. И, отталкиваясь от новой нормы, придется, спустя какое-то время, снова нисходить до слабых, до тех, у кого есть некая уважительная причина. Дальнейшую динамику процесса можно и не пояснять, все опять повторится. Кому нужен иллюстрационный материал, пусть поинтересуется, что происходит в Западных Церквях.

Да и без оглядки на Западные Церкви легко себе представить логику эгоистического отказа от тех или иных церковных установлений «для всех категорий граждан». Возьмем, к примеру, посты (что-то еще читатель с легкостью домыслит сам). Итак, в рамках этой логики детям школьного возраста поститься ни в коем случае нельзя, потому что растущему организму нужен полноценный рацион питания. У студентов большая умственная нагрузка, пост может снизить успехи в учебе. Взрослые напряженно работают, тянут семью, поднимают детей, падают с ног. Какой уж тут пост! Ну, а про пожилых и говорить нечего. Старость не радость, сплошные болезни. Им только поста не хватало...

Причем, когда ограничения в пище накладывает врач, это воспринимается безо всякого бунта, а, наоборот, с готовностью исправно следовать предписаниям. Сколько людей, категорически отвергающих пост, неукоснительно соблюдают диету, исключаящую мясо и другие скоромные продукты, если врач скажет, что отказ от белковой пищи полезен для здоровья!

А сколько людей (почти вся страна) напрягается, уча английский язык, потому что это «в жизни пригодится». И против дресс-кода, то есть принятой на работе формы одежды, не возражают, потому что не хотят эту работу потерять.

Так что когда нужно себя чего-то лишиться, в чем-то ограничить по эгоистическим мотивам – никаких проблем не возникает. Никто не качает права и не побуждает врача или работодателя изменить свои требования. Инстинкт самосохранения побеждает недовольство, которое у эгоистов обычно вызывают запреты. Иными словами, сиюминутные эгоистические порывы подавляются из соображений тоже эгоистических, но не таких сиюминутных. Так сказать, более «перспективных».

Кому-то может прийти в голову нехитрая мысль, что и в основе неукоснительного соблюдения церковной дисциплины тоже лежит эгоизм: человек старается, надеясь войти в Царствие Небесное. И в начале духовной жизни это действительно так. Святые отцы учат, что на пути к Богу человек проходит три основных стадии: раба, наемника и только потом – сына. Третья, высшая, стадия – это стадия

самоотречения, когда христианин угождает Богу уже не из страха наказания и не из ожидания награды, а бескорыстно, из одной только любви. Но и первая стадия – все равно самоотречение. Человек преодолевает свой ветхий, животный эгоизм ради высших соображений. Соображений настолько высоких, что людям, целиком живущим «по сю сторону», они представляются безумными фантазиями: какой ад, какие вечные муки? Сущий бред – отказывать себе в невинном удовольствии съесть жареную курочку, потому что, видите ли, пост.

Так что между рабом Божиим и рабом собственной утробы лежит пропасть. И не преодолев ее, невозможно вступить на узкую тропу духовного возрастания. Кто-то из святых отцов поучал, что если тебе чего-то очень хочется (имелись в виду душевно-плотские желания) – сделай наоборот. В начале пути желания, которые приходится отсекаать, часто бывают какими-то примитивно-инфантильными. Человеку, вынь да положь, хочется в пост кефира, вместо вечернего правила посмотреть фильм или же почитать книжку, а в воскресенье отоспаться. И, поскольку навыка отсечения своей воли еще нет, то отказываться от таких, на самом деле пустяковых, желаний трудно. А если кто-то в этот момент говорит, что отказываться не нужно, да еще и подводит теоретическую базу: дескать, это пустые формальности, фарисейство, начетничество, обрядоверие, которое только заслоняет от нас Христа, – тут новонаачальный нередко ухватывается за «добрый совет» как за спасительную соломинку. Он не понимает, что соломинка эта вовсе не спасительная. И годится она лишь на то, чтобы, оставив попытки перейти пропасть, выдувать через нее мыльные пузыри фантазий.

Фантазий о своем стремительном, неудержимом и беспрепятственном духовном возрастании. О том, что интеллигентному человеку, в отличие от непросвещенного народа, никакие промежуточные стадии не нужны. Он выше всего этого.

Чем пожертвовать, к чему прислониться

Если слишком нагрузить лодку, она может перевернуться. А как образуется смысловой перевертыш? К примеру, что надо сделать с исходно отрицательным вроде бы понятием «эгоизм», чтобы оно «сменило вывеску», стало обозначать нечто противоположное или, может быть, даже оказалось бы в этическом поле где-то неподалеку от «самопожертвования» или «альтруизма»? Очевидно, тут придется произвести манипуляции более сложные, чем с лодкой, однако типологически сходные: сперва нагрузить понятие «эгоизм» массой оправданий, а затем и найти в нем нечто достойное похвалы. А когда подобный «перегруз» станет привычным – можно вообще «снять» традиционное словесное обозначение, убрать тот словесный маркер, с которым раньше связывались отрицательные, с этической точки зрения, эмоции. Дескать, никакой это не эгоизм, а нормальное проявление человеческой природы. Или даже Божественного замысла.

Но старую вывеску выбрасывать на помойку не стоит, она еще послужит. Когда понятийная «лодка» перевернется, словом «эгоизм» можно заклеить... ну, например, заботу о людях.

Вы скажете, преувеличение? Давайте посмотрим вокруг. К чему фактически сводятся либеральные нападки на активное противодействие злу? К тому, что противодействующий – эгоист.

А что? Разве не этот мотив звучит в упреках подростков, которые, в соответствии с некоторыми новейшими тенденциями, «борются с родителями за свои права»? В том числе, за право хамить, не делать уроки, устраивать дома беспорядок, врубать на полную громкость музыку, до одурения сидеть за компьютером и т.п. «Хочешь, чтобы все было по-твоему? Тебе лишь бы **на своем** настоять! А ты не о себе думай, а обо мне. О том, что **мне** нравится, а не тебе...»

И разве не в эгоизме упрекает великовозрастный инфантил свою жену? «Хватит меня строить! С какой стати я должен подчиняться твоим прихотям?» «Прихоти» же ее сводятся к тому, чтобы он работал и приносил домой зарплату, а не пропивал ее, чтобы немного помогал по хозяйству и хоть иногда занимался детьми.

В эгоистических капризах, в желании ублажить свое «я» могут родственники обвинять богатого человека, который существенную часть прибыли тратит на Церковь и дела милосердия.

Эгоистами представляют и верующих, смеющихся выступать против кощунственных выставок, телепередач, рекламных образов. «Мало ли что вам не нравится? Вы тут не одни живете. Не хочешь смотреть – выключи. А другим свое мнение не навязывай!»

Один из самых, пожалуй, ярких примеров – реакция «мирового сообщества» на войну в Южной Осетии. Поведение России упорно представлялось как агрессивное-эгоистическое. Дескать, не слабых она там защищала от геноцида, а землю чужую хотела захватить.

В том же духе выступают и церковные либералы. И началось это не сегодня. Приведем цитату:

«Мы живем в страшное время, когда *самые понятия* христианские, здравые и истинные, *подменяются* понятиями фальшивыми и ложными, зачастую злонамеренно изобретаемыми с несомненной целью, конечно, отклонить людей от правого пути истинной христианской жизни. Во всем этом видна какая-то планомерно действующая черная рука, которая стремится как можно крепче привязать людей к этой временной земной жизни, заставив их забыть о неизбежно всех нас ожидающей жизни будущей, жизни вечной.

Так, например, достаточно кому-нибудь начать регулярно ходить в церковь, молиться Богу дома, соблюдать посты, вести себя целомудренно и воздержно, уклоняясь от всех современных, столь нескромных развлечений и увеселений, как окружающие сейчас же набрасываются на него с насмешками и укоризнами: “Да что ты? В монахи, что ли, собрался? Или хочешь показаться перед нами каким-то праведником, святошей?” Это и прежде бывало, но никогда в такой мере, как теперь, когда – увы! – и некоторые современные пастыри, либерально и модернистски настроенные, относятся к подобным подвижникам благочестия (иначе их в наше время и не назвать!) явно неодобрительно.

Стоит пастырю, желающему только честно и добросовестно исполнять свой пастырский долг, без всяких поблажек и уступок современной моде и развращенным нравам, начать учить своих пасомых истинно христианскому пути жизни, как сейчас же весьма многие из современного мнимохристианского общества обрушиваются на него со всею силою ожесточенного озлобления, начинают всячески хулить и порочить его, стремясь дискредитировать в глазах остальных и подорвать его пастырский авторитет» (*Аверкий (Таушев)*, архиепископ. «Всему свое время». М., 2006. С. 104–106).

Архиепископ Аверкий написал это в Америке в 1961 году. Но разве не те же песни поют церковные либералы в современной России? Хотя и страна другая, и полвека прошло с тех пор, как это было написано, а претензии все те же. Что значит «хочешь показаться святошей»? Значит, хочешь прославить себя, выставив свое «я», свое «эго» в выгодном свете.

Послушание духовнику, соблюдение иерархии пытаются дискредитировать, сказав, что священники просто тешат так свой эгоизм, властолюбие и тщеславие. В более корректной форме критика ортодоксальных, серьезно относящихся к церковным правилам и традициям пастырей сводится к тому, что они, мол, забывают о христоцентризме, приводят к себе, а не ко Христу. Хотя, конечно, представители младостарчества и «гуруизма» тоже у нас встречаются, но нападают ведь почему-то в основном не на них, а на батюшек, которые как раз заботятся о подлинном воцерковлении своей паствы, о серьезном отношении к вере, к церковным таинствам, к молитве, к православному образу жизни. К тем, кто «полагает жизнь за

овец» (Ин. 10: 11). Именно такого «пастыря доброго» обвиняют, по лукавой диалектике перевертыша, в эгоизме.

Естественно, в эгоизме обвиняют и «старушек у подсвечника», многие из которых, как пророчица Анна, всю жизнь не отходят от храма. Не просто проводят там все свое время, а трудятся не покладая рук, не жалея сил, невзирая на преклонный возраст и телесные недуги. И, пожалуй, только в среде, насквозь пропитавшейся духом эгоизма, могут найти поддержку сентенции, что «злые бабки просто самоутверждаются за счет молодых». В обществе, не утратившем традиционных христианских представлений о добре и зле, такие сентенции не могли бы прижиться. Во-первых, потому что христианство учит, прежде всего, заглядывать в себя и в себе искать вину, а во-вторых, потому что грех хамства невозможно было бы выдать за добродетель.

Очень показательная полемика развернулась в последний год и по вопросу миссионерства в молодежной среде. Тех, кто не приветствует сомнительный принцип «цель оправдывает средства» и возражает против некоторых миссионерских экспериментов, считая это опозланием благой вести, сторонники подобных экспериментов называют «миссиофобами». И даже – в стилистике то ли Французской революции, то ли Третьего рейха, то ли сталинской эпохи – «врагами миссии», с которыми надо расправляться со всей беспощадностью.

Когда читаешь про «миссиофобов», может представиться некое страшное и одновременно тупое мифологическое животное, которое («друзья миссии», они же «миссиофилы», всерьез это утверждают!) ненавидит молодежь и всеми силами старается не пустить ее в Церковь, боясь, что веселые, свободные, сильные молодые люди придут в храм и потеснят его. То есть, зверюга-миссиофоб эгоистичен прямо-таки до слабоумия. Не желает, хоть тресни, увеличения малого Христова стада, не стремится приобретать помощников и единомышленников. Естественно, полемика с таким кошмарным существом невозможна. Ведь что взять со слабоумного?

А интересно, что бы они сказали об архиепископе Аверкии (Таушеве), живи он сейчас? Неужели тоже записали бы его во враги миссии? Ведь владыка Аверкий утверждал следующее:

«Теперь многим нравятся пастыри, которые, принаравливаясь к вкусам, взглядам и настроениям современной расцерковленной толпы, унижают высокий христианский идеал жизни, едва ли не втоптывают его в грязь, фальшиво подменяя и извращая все подлинно-христианские понятия, лишь бы только кому-то *угодить* <...>

Совершенно справедливо говорит наш выдающийся гомилет, профессор Киевской духовной академии В.Ф. Певницкий, что истинный пастырь не должен поддаваться заманчивой идее примирения христианства с современностью и что «нельзя допускать ни малейшего изменения начал веры Христовой», «никакой уступки ввиду, ходячих заблуждений времени; никакого послабления строгих требований евангельского закона, ввиду понизившейся нравственности и нежелания подчиниться им со стороны расслабленной воли» (Церковное красноречие и его основные законы. С. 164). Нельзя проповедовать какое-то «новое христианство», «христианство разжиженное и расслабленное», ибо «задача пастыря не в том состоит, чтобы принижать высокие требования Божественного закона до уровня понизившейся жизни, но в том, чтобы эту понизившуюся жизнь возводить до той высоты, на какой она должна стоять по требованию слова Божия и указанию Церкви» (см. там же)... Современные «христиане» хотят, чтобы пастыри не стесняли греховных стремлений человеческой природы, и только под этим условием согласны войти в единение с Церковью и жить ее жизнью» (Аверкий (Таушев), архиепископ. Всему свое время. С. 106–109).

Как все повторяется! Нынешние «миссиофилы» тоже пугают, что молодежь, увидев в Православии «религию запретов», не придет в храм. А та, что пришла, с негодованием хлопнет дверью и больше никогда не вернется.

Впрочем, на это тоже в свое время ответил куда более авторитетный человек, чем мы. «Из Православия уходят только эгоисты», – сказал Паисий Святогорец.

И в этой вроде бы простой фразе, как и во многих других его высказываниях, заключена великая мудрость. Реальное, а не фантазийное Православие есть религия самоотречения. Иной она и не может быть, потому что в ее основе Крестная Жертва Христа. Поэтому из Православия уходят те, кто не в силах чем-то пожертвовать. Будь то мелочь вроде отказа от брюк или же что-то более труднооборимое (примеры подставьте сами). Кому-то неумоготу расстаться с собственными взглядами, с собственными трактовками Евангельского учения. А кого-то и вовсе не устраивает христианский Бог. В любом случае, тут на первом месте всегда собственное «я».

* * *

Либералы не любят упоминания о сатанизме, брезгливо морщатся, театрально-громко вздыхают: «Опять!..» Поэтому не будем их нервировать, скажем помягче. Пропаганда эгоизма – это антихристианство. Попытка принизить и отменить жертву Христа. Потому что когда на первом месте «я», «мое», упоминание о жертве Христа и тем более Его призыв «следуй за Мной» – тревожат, раздражают, не дают спокойно наслаждаться (жизнью, ее дарами и самим собой тоже). Поэтому не удивительно, что сегодняшний мир все активней отвергает Его и все больше увлекается темной духовностью, сулящей власть над людьми и полную свободу эгоистических желаний.

Удивительно другое: простая и, казалось бы, очевидная мысль о том, что современная жизнь строится на далеких от христианства основаниях, вызывает у определенной части православного сообщества гневный протест. Хотя все вроде бы знают, что общество потребления культивирует гедонизм, то есть злокачественную форму эгоизма, возведенную к тому же в ранг главенствующей идеологии.

А идеологический эгоизм и христианские идеалы все равно как злодейство и гений – «две вещи несовместные».